

НЕМНОГО УВАЖЕНИЯ

Хьюберт Селби

Моррис свалил бумаги на своём столе в кучу, смешав их со старыми стопками, и помчался к лифтам. Он терпеть не мог эти телефонные звонки в последнюю минуту. Никогда не понимал, почему люди ждут до без пяти пять, чтобы позвонить. Он спешил к лифту, поглядывая на часы. Ещё успевал на 17:20, если больше ничего не задержит. Первые два лифта проехали мимо его этажа, заполненные до отказа, он внутренне застонал. Продолжал смотреть на часы, но это не приносило никакой пользы, поэтому он закурил, потушил сигарету, когда лифт остановился и двери открылись. Он протиснулся внутрь, лифт поехал на первый этаж.

Он бросился к метро и стоял на платформе, постоянно поглядывая на часы, и громко жалуясь самому себе на сервис и на то, что поезд, чёрт возьми, задерживается, и жалея, что не может здесь покурить. Чем дольше он смотрел на часы, тем больше убеждался, что опоздает на 17:20 и окажется в проклятом 17:30, вагоне для скота. В конце концов поезд подошёл и он толкался и был вталкиваем в вагон. Его так сильно прижало к парню напротив, что чужие усы щекотали Моррису нос, которым он определял, что тот, кто дышал ему в затылок, очевидно, ел на обед спагетти с тефтелями да ещё и чеснока попросил не жалеть. Он задумался, который час.

Все высыпали из поезда, когда они подъехали к конечной станции, и Моррис почти бегом бросился к нужному пути. Он сверился с наручными часами, с часами на стене и понял, что дело безнадежно. Было уже 17:21, и, как бы быстро он ни шёл, на дорогу уйдёт ещё по меньшей мере пять минут, и, видит бог, если они когда-нибудь уходили вовремя, то и сегодняшний уйдёт. Когда он приезжал сюда в 17:25... никогда... но сегодня... Конец поезда едва виднелся, когда он подошёл к рельсам. Он некоторое время смотрел в тёмный туннель, чувствуя и слушая, как колотится его сердце. Он купил газету и стал ждать.

Вагон для скота, вот что такое 17:30, вагон для скота. И не только, 17:30 не понимает, что такое расписание... даже малейшего понятия не имеет. Кто знает, во сколько я вернусь домой.

Доехав до своей станции, он остановился было, чтобы подышать свежим воздухом, но решил поскорее добраться к автобусной остановке, и всё время украдкой поглядывал на часы. Автобус подошёл в считанные минуты и хвала

господу он успел занять место. Он прочитал о наводнении, убийстве топором, землетрясении, унёсшем жизни 10 000 человек, и расслабился.

Короткая прогулка до дома оказалась почти приятной. Ему не терпелось присесть и побыть в покое хотя бы несколько минут перед ужином, если такое возможно. На улице стояла относительная тишина, достаточная, чтобы слышать птиц. Моррису нравилось. Это так буколически, словно город где-то за миллион миль отсюда. Здорово.

Он открыл дверь своего дома и был немедленно АТАКОВАН звуками пулемётов, пушек и рёвом самолётов. Его десятилетний сын Милтон сидел на полу гостиной в окружении нескольких пустых мисок и многочисленных фантиков от конфет. Повсюду валялись крошки от крекеров, попкорна и чипсов. Моррис просунул голову в дверной проём, Привет, Милти, как дела?

Милтон смотрел на экран.

Моррис не отводил взгляда от сына, он слегка повысил голос, Я говорю привет. Как твои дела?

Милтон смотрел на экран.

Моррис сверлил сына взглядом, но ничего не менялось. Сделай потише, Милти.

Милтон смотрел на экран.

Милти, я сказал сделать потише, слишком громко. У Морриса от негодования начинала трястись голова, но он просто стоял над сыном, сжимая газету и понемногу повышая голос при каждом слове.

Его сын продолжал смотреть на экран.

Наконец пошла реклама, и Моррис снова попробовал заставить Милтона убавить громкость.

Милтон наконец признал присутствие отца, приняв свою лучшую Фонзипозу, не вставая с места. Всё путём, э?

Щас я тебе покажу путём — хватая пульт управления, пока Милтон крепко держит его обеими руками. Дай мне это, ты —

Осторожнее, осторожнее, придурок, ты сломаешь!

Я тебе голову проломлю, мелкий ты —

Из кухни донёсся крик жены Морриса Майи, Это ты, Моррис?

Он встал. Да. Это я.

Фильм внезапно продолжился с артиллерийским залпом, от которого Моррис выронил газету. Он отступил на кухню.

Милтон смотрел на экран.

Майя срывала алюминиевую фольгу с ужинов быстрого приготовления, Будет готово через 20 минут. Кое-что особенное. Да?

Твоё любимое, Солсберийский стейк. Моррис кивнул, С газировкой? Что? Ничего. Что это был за шум, ты опять кричал на Милти? Кричал? Что ты такое говоришь? Я тебя слышала. Как ты могла что-то услышать за этим грохотом? Майя, я говорю тебе, надо что-то делать. Делать? С чем? С чем? С Милти. Почему, что он опять сделал? Что он сделал? Вот именно, он ничего не делает. Не поздоровался, не попрощался. Он ничего не говорит. Он просто сидит перед телевизором, как болванчик. Ему же нравится, Моррис. И вообще, так он хотя бы не попадёт в неприятности. Я его отец. Он должен поздороваться. Или это что-то ужасное — хотеть, чтобы твой сын, твой единственный ребёнок, сказал привет? Я целыми днями на работе. Я много работаю. Пашу, как проклятый — Майя кивала головой и продолжала кивать, пока ставила обеды в духовку, а Моррис ходил за ней по кухне — чтобы дать моей семье хороший дом в пригороде, чтобы вам не приходилось жить в переполненном городе. Разве я прошу, чтобы при моём возвращении домой вы трубили в горн? Разве я прошу бить в литавры? Всё, чего я хочу, это немного внимания, ничего запредельного. Разве многого я прошу? чтобы он поздоровался. Я всегда здороваюсь. Ты здороваешься, а он? Может, мне стоит купить магнитофон и попросить его сказать один раз, только один разочек, здравствуй папа, а потом ты поставишь запись, когда я вернусь домой. Майя пожала плечами, Прости, Моррис, я хочу накрыть на стол. Майя накрыла на стол, а Моррис продолжал ходить за ней по пятам, Я думаю кое-что здесь изменить. Я собираюсь добиться уважения от своего сына. Ты слышишь? Я слышу тебя, Моррис, и ты прав. Ты заслуживаешь уважения. Позволь, я возьму столовое серебро. Отныне, когда я прихожу домой, он должен выключать эту штуку и здороваться. Майя кивнула, Как прошёл твой день? Мой день? Мой день? Дни я переживаю очень хорошо, это вечера у меня не очень. Звякнул таймер, и Майя достала из духовки ужин. Скажи Милти, что пора есть. Моррис вышел в гостиную, мрачная решимость сковала его. Иди ужинать, Милтон.

Принеси его сюда.

Что значит принеси сюда?

Милтон медленно повернул голову и посмотрел на отца, как на имбецила, а затем снова уставился в экран.

Моррис поглядел на сына, потом повернулся и пошёл обратно на кухню. Он не хочет идти на ужин. Он не голоден? Он хочет, чтобы ему подали там. Майя пожала плечами. Пусть ест там. Я приготовлю поднос, так что... Что значит пусть? Моррис, не волнуйся так, это вредно для твоего пищеварения. Вот, сядь и расслабься. Майя подтолкнула Морриса к его стулу, а затем быстро поставила поднос для Милтона и отнесла его в комнату. Вернувшись и подав еду, она села и улыбнулась Моррису. Давай, Моррис, ешь, пока горячо. Моррис непрерывно качал головой. Принеси сюда, принеси сюда. Казалось, что все пушки и пулемёты в фильме взрываются у него в голове. Сквозь травму канонады он услышал голос

сына, и Майя встала, и отрезала большой кусок пирога, и положила на него большой шарик мороженого, и отнесла Милтону. Моррис ел. Он ощущал еду. Он жевал. Он глотал. Должно быть, он ел. Майя села. Он мог видеть её, но почему-то её не было рядом. Здесь/не здесь. Мысли пронзали его голову. Они пробивали череп. Взрывали нос и уши. Они извергались из его рта, обволакивали его голову и сжимали горло. Немного уважения ты можешь сказать привет я твой отец я работаю целыми днями 17:30 вагон для скота за что гром пушек и самолётов немного уважения я не должен это слушать будут перемены — Моррис, ты в порядке? — да некоторые изменения и будет уважение без бомб — Моррис встал, высокий и прямой, жёсткий — Майя смотрела на него, продолжая есть — прямо сейчас мы начнём с изменений, и он вышел из кухни, прямо мимо хмурой Майи, в гостиную, мимо болванчика сидящего и смотрящего Милтона, выдернул шнур питания из розетки и начал выволакивать телевизор из комнаты.

Милтон крикнул. Эй, ты что делаешь?

Делаю? Делаю кое-какие изменения.

Эй, мама, МА!!!!

Майя бросилась в гостиную. Что случилось? Милтон дёргал отца за руку, бил его, тянулся к шнуру и голосил НЕТ, НЕТ, ВЕРНИ МНЕ ТЕЛЕК!

Осторожнее, а не то получишь то, чего заслуживаешь. Что происходит? Моррис, что — с дороги. Вон! Он оттолкнул сына, и Майя машинально отступила в сторону, когда Моррис выносил телевизор через парадную дверь и выбрасывал его на лужайку. Майя и Милтон смотрели, как он идёт к гаражу, Отныне настанут перемены, хахахахахаха, я получу свой привет, хахахахахаха!!!! Он вышел из гаража с канистрой бензина и топором. Он продолжал хрипло хохотать и вопить, нанося удары топором, трубка кинескопа взорвалась, повсюду разлетелись большие куски стекла, Моррис получил несколько порезов на руках, из которых пошла кровь, Майя и Милтон кричали, Милтон дёргал мать за руку, ОСТАНОВИЕВО, ОСТАНОВИЕВО!!! а затем вбежал в дом, всё ещё визжа, и вызвал полицию. Несколько соседей выглянули из окон, потом вышли посмотреть, как Моррис кромсает телевизор, хохоча и хохоча, тонкие струйки крови стекали по его рукам, всё больше соседей выходило из домов по мере того, как телефонные звонки распространяли новость, и они подходили всё ближе и ближе, пока почти сотня человек не заполнила тротуар и проезжую часть, глядя на Морриса, а он наконец перестал рубить, облил бензином разбитый телевизор, чиркнул спичкой, и огонь разгорелся с громким ПУФФФ, ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА, ГОРИ УБЛЮДОК, ГОРИ ГОРИ ГОРИ!!!!!! и в ликовании он начал подпрыгивать и Милтон побежал к огню а Майя удержала его и несколько соседских детей закричали, Потуши, потуши!!!! и их родители скандировали, Гори, гори, гори, гори!!! и тут ещё больше соседей заплодировали и подошли ближе к огню, подбадривая Морриса, который

продолжал орать ГОРИ УБЛЮДОК, ГОРИ УБЛЮДОК, и вдалеке слышалась сирена, которая становилась всё громче и громче, и прежде чем копы добрались до Морриса и Майи, из-за угла выехала пожарная машина, и двое пожарных прибежали с огнетушителями, один коп спросил Майю, что происходит, а Милтон прыгал с криками УБЕЙЕВО! УБЕЙЕВО!!! потом вдруг побежал в дом и схватил свою видеокамеру, а другой коп пытался оттащить Морриса от огня, но тот всё отпихивал копа, крича, Отстань от меня, ты не имеешь права, гори ублюдок, теперь он скажет привет, а коп тащил всё сильнее и сильнее, а Моррис сопротивлялся всё сильнее и сильнее, и наконец коп повернулся к нему, Ты бы лучше полегче, приятель, а то я тебе голову проломлю, и позвал своего напарника, и они схватили Морриса и скрутили ему руки, пока тот брыкался, рвался вон и кричал, и они втроём катались по лужайке, а пожарные говорили им быть осторожнее и убратся с дороги, пока соседи аплодировали Моррису и освистывали копов. Полицейские сорвали с Морриса почти всю одежду и наконец уложили его лицом вниз на лужайку, Моррис был весь в ссадинах и крови, один из копов сильно прижимал к шее Морриса свою дубинку, а другой застёгивал наручники на его руках, отведённых за спину, а Милтон снимал сцену на свой магнитофон, а Майя спокойно наблюдала, как полицейские тащат Морриса, всё ещё смеющегося и вопящего, к патрульной машине, а пожарные разбрасывают пепел и проверяют, потушен ли огонь, прежде чем уехать.

Милтон провёл ночь с бабушкой и дедушкой. Он подключил свой видеомагнитофон к их телевизору и смотрел, как копы утаскивают его отца, истерически хохоча и потрясая кулаком над экраном, Убейево, убейево, убейево!!! и он проигрывал запись снова и снова и снова...